

Поучение Владимира Мономаха: время и причины написания, содержание

Историческая справка

1093

После смерти Всеволода Ярославича 13 апреля 1093 года его сын Владимир Мономах не сел в Киеве, а по лествичному порядку пригласил Святополка, отец которого сидел на Киевском столе раньше Всеволода Ярославича. Мономах не захотел иметь рать со Святополком и междоусобицами нарушить мирную жизнь Русской земли. Он вызвал Святополка из Турова, а сам вернулся в Чернигов. Брат его Ростислав в это время княжил в Переяславле. Киевляне встретили Святополка с радостью.

Половцы, узнав о новом русском правителе, тотчас прислали к нему послов для подтверждения мира. Святополк, не посоветовавшись ни с братьями, ни с боярами прежнего князя, приказал схватить послов. За это разгневанные половцы пошли на него ратью. Святополк спешно вызвал к себе Мономаха. Тот пришел и стал убеждать Святополка заключить с половцами мир, но Святополк самонадеянно отказался.

Русские дружины подошли к Треполю и остановились на этом берегу Стугны. Здесь опять князя и воеводы стали уговаривать Святополка примириться с половцами, но он их не послушал. Войска перешли реку и выстроились на валу: в центре была дружина Ростислава, справа от него – Святополка, слева – Мономаха. Половцы начали наступать на Святополка, и его дружина дрогнула, побежала. Потом половцы стали теснить Владимира, и его дружина не выдержала. Русские вынуждены были отступить. При переправе через Стугну погиб Ростислав. Владимир ушел в Чернигов, Святополк затворился в Треполе, откуда ночью бежал в Киев. Разгром русского войска произошел 23 мая, в день Вознесения Господня.

Не прошло и 50-ти дней после смерти Всеволода, как необдуманными действиями нового Киевского князя была нарушена относительно мирная жизнь Русской земли. Половцы воевали около Торческа. Город долго держал оборону, прося у Святополка помощи. Святополк отправил к Торческу одну часть своей уцелевшей дружины, вторая часть встала около Киева на Желани. Разделенное войско не имело успеха ни там, ни здесь. Половцы разбили русские войска, и было погибших больше, чем у Треполя. Случилось это поражение через два месяца после первого, 23 июля, в день Святых Бориса и Глеба. И был плач великий по городам вместо радости, - записал летописец.

1094

Не имея больше сил противиться, Святополк заключил с половцами мир, скрепленный династическим браком: он взял в жены дочь Тугоркана.

Одни половцы были усмирены, но подошли другие. Их привел Олег Святославич, который до этого отсиживался в Тьмутарокани, а теперь решил воспользоваться ситуацией и вернуть себе Чернигов. Это уже в третий раз в правление Святополка пришли половцы на Русскую землю (первый раз был у Треполя, второй – у Торческа и Желани).

Олег подошел к Чернигову и стал жечь вокруг, показывая свои намерения. Владимир затворился в городе. Дружины у него практически не осталось. Он вынужден был заключить мир с Олегом и добровольно уйти из Чернигова. В своем «Поучении» Мономах

вспоминает этот выход: «И вышли на день Святого Бориса из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, не в сотней дружине, а с детьми и женами, и облизывались на нас, как волки, стоящие на переезде и у гор. Бог и Святой Борис не дали им меня на поживу. Невредимыми доехали до Переяславля», где Владимир сел на столе своего погибшего брата Ростислава. События происходили 23 июля.

1095

Девгенич пошел на греков и был разбит. Итларь и Кытан пошли на Владимира к Переяславлю. Владимир заключил с ними мир. Кытан стал около города со своей дружиной, и Владимир дал ему в залог своего сына Святослава. Итларь с лучшей дружиной обосновался в самом городе. В это время к Владимиру от Святополка пришел Славята, который стал советовать (видимо от имени Святополка) разобраться с половцами. Его поддержал воевода Ратибор, служивший прежде Всеволоду Ярославичу. Владимир не соглашался, ведь он заключил договор с половцами и отдал в залог своего сына. Тогда решено было выкрасть Святослава у Кытана, перебить его дружину, а потом расправиться с Итларем. Так и сделали. Ночью Славята со своими воинами выкрали Святослава, убили Кытана и полностью уничтожили его дружину. Итларь в это время спал в доме Ратибора.

Утром, чтобы Итларь ничего не узнал, Владимир пригласил его после завтрака прийти к нему в истопленную избу. Когда Итларь вошел, за ним затворили дверь, и сын Ратибора Ольберг с крыши пустил стрелу в самое сердце Итларя. Потом расправились с его дружиной. Произошло это 24 февраля 1095 года в воскресенье.

Итак, с Девгеничем, Итларем, Кытаном было покончено. Теперь нужно было разобраться с другими ханами. Святополк и Владимир послали к Олегу Святославичу звать его идти с собой на половцев. Олег обещал, но не пошел. Князья успешно взяли половецкие вежи, много челяди, скота, коней и даже верблюдов, а на Олега рассердились. Они потребовали, чтобы он отдал им сына Итларя, который был у него. Олег не согласился. Тогда Святополк и Мономах решили наказать Олега, считая, что он не хочет помогать им бороться с половцами, и стали отбирать у Олегова рода волости. Сначала новгородцы выгнали от себя брата Олега – Давида и вместо него пригласили сына Мономаха Мстислава, который до этого сидел в Ростове. Давид ушел в Смоленск. Другой сын Мономаха – Изяслав, придя из Курска, выгнал из Мурома посадника Олега.

Показав свои намерения, Святополк и Мономах рассчитывали договориться с Олегом. Они пригласили его на съезд, чтобы в присутствии епископов, бояр и горожан утвердить *порядок о Русской земле* и выработать совместный план защиты от половцев. Олег воспринял приглашение князей как дерзость, а их слова – как гордыню и ответил им: «Нелепо меня судить ни епископу, ни игумену, ни смерду». Олег отказался идти к братьям, на что Святополк и Мономах сказали ему тогда: «Ты ни на поганых не идешь, ни на совет к нам, значит, ты что-то замышляешь против нас и хочешь помогать поганым. Тогда Бог будет меж нами». Так предупредив Олега, они пошли на него к Чернигову.

В субботу 4 мая 1095 года Олег убежал из своего города и затворился в Стародубе. Святополк и Владимир окружили его там и крепко бились. Много погибло в этой лютой брани. Только через 33 дня Олег запросил мира. Князья согласились, говоря: «Хорошо! Бери брата своего Давида, и идите в Киев. Здесь на столе отцов и дедов наших достойно будет *совет сотворить и порядок положить*». Олег обещал прийти, крест целовал, но слово не сдержал. Он, выйдя из Стародуба, сначала пошел к Смоленску, но встретив там сторонников Мономаха, направился в Рязань.

Пока Святополк и Мономах разбирались с Олегом, на их земли напали половцы: Боняк около Киева в Берестове пожег княжий двор, а Куря у Переяславля пожег устье.

1096

30 мая к Переяславлю пришел тесть Святополка Тугоркан. Святополк и Мономах незаметно переправились на ратную сторону Днепра у Заруба, перешли Трубеж и неожиданно напали на половцев. Те бежали. Произошло это 5 июля. Много половцев было убито, в том числе хан Тугоркан и его сын. Тугоркана похоронили на перекрестке дорог между Берестовым и монастырем.

Осенью Боняк второй раз пришел к Киеву, сжег Болонь около города, Стефанов монастырь. Половцы ворвались в Печерский монастырь и поставили два стяга над его воротами. Они грабили и жгли церкви, врывались в кельи монахов. Тогда же был сожжен Красный двор, построенный Всеволодом Ярославичем на Выдубицком холме. (Мономах в это время был в Ростовской земле и молился за спасение Киева).

Олег вместо того, чтобы помогать братьям бороться с половцами, опять стал разжигать межкняжеские распри. Он пошел на Муром, который, как было сказано выше, захватил сын Мономаха Изяслав. К нему Олег направил посла со словами: «Иди в волость отца своего – Ростов, а это – волость моего отца. Хочу войти сюда и здесь (а не в Киеве!) договор сотворить с отцом твоим. Он меня выгнал из города отца моего (Чернигова), и здесь ты не хочешь мне отдать хлеб мой». Но Изяслав не послушал Олега, а послал в Суздаль, Ростов и Белоозеро собирать войска. Понадеясь на множество своих воинов, он встретил Олега перед городом, и была брань лютая. Олег убил Изяслава. Произошло это 3 сентября. Олег вошел в Муром, схватил ростовцев, белозерцев, суздальцев. В его руках оказалась и несчастная вдова Изяслава. Потом он направился в Суздаль, а оттуда – в Ростов. И суздальцы и ростовцы сдались ему.

Узнав об этом, другой сын Мономаха Мстислав из Новгорода направил посла к Олегу сказать: «Иди из Суздаля в Муром, не сиди в чужой волости, иначе я позову отца своего, и мы с ним смирим тебя». Олег в ответ задумал было напасть на Новгород, но не решился. Он узнал, что Мстислав уже идет на Волгу. Тогда он вернулся из Ростова в Суздаль, сжег весь город, оставив только подворье Печерского монастыря и Ефимову Дмитровскую церковь, и побежал в Муром. Мстислав, войдя в Суздаль, опять послал Олегу предложение мира: «Я меньше тебя. Сошлись с отцом моим, и дружину, которую взял, верни. Я тебя во всем послушаю». В этот раз Олег ответил, что согласен на мир, но слово не сдержал. Мстислав, не подозревая обмана, распустил свою дружину, однако вкоре узнал, что Олег стоит на Клязьме.

Расчет Олега состоял в том, что Мстислав испугается и без боя оставит Суздаль. Но Мстислав бросил клич и быстро собрал войско. От отца к нему тоже шла помощь – брат Вячеслав с половцами. Не зная этого, Олег в бездействии стоял четыре дня против дружин Мстислава. Когда же он увидел стяг Мономаха, который развернул подошедший Вячеслав (во время битвы его держал половец по имени Кунуй или Кукуй), то почувствовал ужас. Дружины сошлись: Олег против Мстислава, Ярослав (брат Олега) против Вячеслава. Победил Мстислав. Произошло это 17 марта 1097 года, в Феодоровскую субботу Великого поста (Феодор – крестильное имя Мстислава). Олег с Ярославом бежали в Муром и дальше – в Рязань. Мстислав шел за ними. Рязанцы сдались Мстиславу, Олег оставил город. Мстислав опять предложил Олегу мир: «Не бегай! Но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли, и я пошлю к отцу молиться о тебе». Олег обещал это сделать. Мстислав возвратился в Суздаль, и оттуда ушел в свой Новгород.

Действительно, вскоре Мономах по просьбе своего сына Мстислава прислал письмо к Олегу. Он написал его, как и свое «Поучение», по дороге в Ростовскую землю. Мономах ехал к Олегу договариваться о мире и за своей снохой, которую Олег, возможно, держал в заложниках.

Время и причины написания

Итак, обобщим историческую справку.

В апреле 1093 года в Киеве умер Всеволод Ярославич, при котором существовало некоторое перемирие с половцами. Недальновидная политика следующего Киевского князя Святополка Изяславича привела к почти полному уничтожению русского войска и как следствие – к почти беспрепятственному хозяйничанию половцев в Русской земле. Чтобы собрать немногие уцелевшие силы для борьбы с внешним врагом, русским князьям необходимо было прекратить внутренние усобицы. Для этого нужно было отказаться от устаревшего лестничного порядка наследования власти и договориться о владениях-волостях, которые закреплялись бы за каждым княжеским родом.

Решение нужно было принять на съезде князей. Святополк Изяславич и Владимир Мономах стали готовить такой съезд. Но Олег Святославич отказался участвовать в нем. А без него договор не имел смысла. Много сил было потрачено на то, чтобы заставить Олега сесть за стол переговоров, как сказали бы сейчас. Ради государственных интересов Мономах простил Олегу убийство родного сына. За его несчастной вдовой ехал теперь Мономах в Ростовскую землю, и сидя на санях, обдумывал свое обращение к князьям. Не силой оружия Мономах решил останавливать вражду князей, а силой слова.

Сильные соперники требовали сильных убедительных слов. Раздумье Мономаха нашло выражение в его «Поучении». Он обращался не только к своим детям, он говорил со всеми русскими князьями, он вырабатывал новую этику их взаимоотношений. Основная мысль, которую он хотел донести, состояла в том, что соперничество между князьями не должно губить Русскую землю! Перед угрозой потерять завещенную Святым Владимиром и Ярославом Мудрым РОДИНУ все междоусобные споры должны уйти на второй план. Вопросы нужно решать на общих съездах князей, а не с оружием в руках на русских полях.

Для обращения к равным по положению и силе князьям нужно было подчеркнуть свой авторитет. Поэтому Мономах напоминает о своих походах и охотах, говорит о собственных нравственных и религиозных установках. Он показывает, что имеет моральное право предлагать князьям план переустройства Русской земли, ведь он много сил с малых лет приложил для ее защиты. В Лаврентьевской летописи после «Поучения» приводится примирительное письмо Мономаха к Олегу Святославичу, как пример обращения к конкретному князю, и молитва Мономаха за спасение Киева и Русской земли. Да поможет Бог, как он помогал нашим предкам!

«Поучение» писалось непосредственно перед Любеческим съездом, осенью или зимой 1096 года, когда Мономах прилагал все усилия, чтобы договориться с Олегом Святославичем, заставить его принять участие в съезде князей. Если бы оно было написано после (в конце жизни Мономаха, как считают многие исследователи), то он обязательно бы упомянул ужасное ослепление Василька Ростиславича в 1097 году. «Поучение» так и помещено между 1096 и 1097 годом.

Содержание

Эпистолярное наследие Владимира Мономаха, помещенное в Лаврентьевской летописи между 1096 и 1097 годом, состоит из «Поучения», в котором можно выделить три основные части: 1) Выписки из Священных писаний, 2) Личные наставления, 3) Рассказ о своей жизни до 1097 года; письма к Олегу Святославичу и молитвы.

«ПОУЧЕНИЕ»

Я, худой, дедом своим Ярославом благословленный, славным нареченный в крещении Василий – русским именем Владимир – отцом возлюбленным, а матерью своею – Мономахом.

Называя себя худым, Владимир показывает свое смирение, невозвышение перед теми, к кому обращается. Он хочет не наставлять их свысока, а делиться размышлениями и жизненным опытом.

Владимир родился в 1053 году, за год до смерти Ярослава Мудрого. Поэтому он и пишет, что принял благословение от своего деда Ярослава. Отец же назвал его русским именем Владимир, а христианским – Василий. От матери он унаследовал прозвание – Мономах.

Дальше некоторый текст утрачен.

...и христианским людям делая, которых сохранил по милости своей и по отчей молитве от всех бед, сидя на санях, помыслил в душе своей и, похвалив Бога, что меня до сего дня, грешного, допроводил, да дети мои или иной кто, услышав эту грамотцу, не посмейтесь, но кому же любя из детей моих – да примет в сердце и, не ленясь, начнет так же трудиться, прежде всего для Бога делая, а для души своей – страх имейте Божий в сердце своем, милостыню творя неоскудно, это ведь есть начало всякому добру, если же кому не любя грамотца сия – пусть не погневаются, но так скажут: на далеком пути да на санях сидя, нелепицу он молвил.

Отметая деепричастные обороты и украшательства, видим, что Мономах помыслил написать поучение-грамотцу для своих детей и прочих, чтобы те, для кого она любя – принял ее за образец и начал так же как он трудиться, а кому она не любя – не гневаясь, сказали, что он, сидя на санях, на далеком пути, молвил нелепицу.

На далеком пути, на санях – эта фраза говорит о том, что Мономах писал «Поучение» в дороге. Как было сказано выше, он ехал в Ростовскую землю договариваться с Олегом Святославичем, который убил его сына Изяслава и держал у себя его вдову.

Встретили меня послы от брата моего (Святополка) на Волге, говоря: «Поспеши к нам да выгоним Ростиславичей и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы сами будем по себе, а ты – сам»; на что сказал: «Хоть вы и гневаетесь, не могу с вами идти и креста преступить», и отъехав, я взял Псалтырь в печали и

открыл ее, и вот что мне выпало: «Зачем печалишься, душа моя, зачем смущаешь меня» и прочее... И потом собрал слова эти случайные и, сложив по порядку, их записал, чтобы вы, последнее не любя, хоть начальные (слова из Псалтыти) принимайте.

На Волге Мономах догнали послы от Великого князя Святополка, который звал его вернуться назад, чтобы разобраться с Ростиславичами (Василькой и Володарем), которые по слухам что-то затевают. Это был обычный наговор. После, уже ослепленный Василько Ростиславич рассказывал своему тезке Василю-Сильвестру, что ничего он против Великого князя не затевал, а хотел отомстить обидчикам Русской земли: «Когда я узнал, что берендичи, торки и печенеги идут ко мне добровольно служить, помыслил я просить Святополка, Владимира и Давида дабы дали мне их младшие дружины. С оными я намерен был, во-первых, идти на Польшу для отмщения ученных обид Русской земле, потом на болгар дунайских и на половцев».

Сейчас Мономах пытается примириться с Олегом Святославичем, а Святополк толкает его на новые распри с Ростиславичами. Мономах в печали и сомнении разогнул Псалтырь, чтобы успокоиться разумом, победить ожесточение, не попасться на новую провокацию и понять, что же ему делать: возвращаться в Киев или продолжать путь в Ростов. Такое «гадание по Псалтыри» практиковалось тогда. В перечне цитат, которые открывал Мономах, он искал ответ на вопрос, как себя вести. Он читал и записывал, пытаясь уловить смысл.

Выписки из Священных писаний

Зачем печалишься, душа моя, зачем смущаешь меня. Уповай на Бога, ибо исповедуемся ему (Пс.41).

Не ревнуй лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие, потому что лукавствующие истребятся, терпящие же за Господа, те обладают землей. И еще немного и не будет грешников, будут искать места своего и не найдут, кроткие же наследуют землю, наслаются богатством мира. Надзирает грешник за праведным и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним и прозрит, что придет день его: оружие извлекли грешники, натянули луки свои, чтобы расстрелять нищих и убогих, предать праведных сердцем, но оружие их войдет в сердца их же и луки их сломаются. Лучше праведнику малое, чем богатства грешников многие, ибо сила грешников сокрушится. Укрепляет же праведных Господь: ибо грешники погибнут, праведным же, милуя, дает, ибо благословляющие Его наследуют землю, клянущие же Его истребятся. Господом стопы человека направляются: если свалится, то не разобьется, ибо Господь поддерживают за руку его. Молод был и состарился, и не видел ни праведника оставленным, ни потомков его, просящих хлеба. Весь день милует и займы дает праведный, и семя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, взыщи мир и получи, и живи во веки веков (Пс.36).

Разве стать человеком, чтобы живых нас поглатили, разве прогневаться ярости Его на нас, чтобы вода потопила бы нас (Пс.123).

Помилуй меня, Боже, ибо погряз меня человек, весь день, борясь, осуждает меня; погрязли меня враги мои, ибо много борющихся со мной свыше (Пс.55).

Возвеселится праведник, когда увидит отмщение, и руки свои омоет в крови грешника, и скажет тот человек: если есть награда праведнику, то есть и Бог, судящий на земле (Пс.57).

Отними меня от врагов моих, Боже, и от восставших на меня отними меня, избавь меня от творящих беззаконие и от убийцы спаси меня, ибо они уловили душу мою (Пс.58).

И ибо гнев – в ярости Его, и жизнь – в воли Его, вечером водворится плач, а утром – радость (Пс.29).

Ибо лучше милость Твоя, чем жизнь моя; и уста мои похвалят Тебя, ибо благословляю Тебя в жизни моей и об имени Твоем воздаю руки свои (Пс.62).

Укрой меня от сонма лукавого и от множества делающих неправду (Пс.63).

Возвеселитесь все праведные сердцем (Пс.31).

Благословлю Господа во всякое время, вонзошу хвалу ему (Пс.33) и прочая...

После первых слов «Зачем печалишься, душа моя» Владимир еще 10 раз открывал Псалтырь, загадывая по ней.

Как Василий учил, собрав юношей: иметь души чистые, непорочные тела, простую кроткую беседу, в меру – слово Господне, еду и питье – без шума великого; при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, равных и меньших любить, без лукавства беседуя, много разуметь; не свирепствовать словом, не хулить беседой, не сильно смеяться, стыдиться старших, с порочными женщинами не беседовать, очи долу иметь, а душу – горе, достигать легкой власти учиться, не тем, чтобы укорять, а тем, чтобы иметь всеобщий почет. Если кто из вас может, чем иным пользу принести, от Бога воздаяния да ожидает и вечными благами насладиться!

О, Владычица Богородица! Отними от убогого сердца моего гордость и буйство, да не возношусь суетой мира сего в тщетной этой жизни! Научись, верующий человек, быть благочестием делателем. Научись, по евангельскому слову, очам управлению, языку воздержанию, уму смирению, телу подчинению, гневу подавлению, помыслы чистые иметь. Побуждаясь на добрые дела, Господа ради, лишаемый – не мсти, ненавидимый или гонимый – терпи, хулимый – молчи. Умертви грех. Избавьтесь от обид, подайте сироте, оправдайте вдову. «Приходите да соединимся, - говорит Господь, - если будут грехи ваши как багровые, как снег обелю их» и прочее...

Воссияет весна постная и цвет покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. К Светодавцу взывая, скажем: «Слава Тебе,

Человеколюбец!». Поистине, дети мои, разумеете, что человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то хотим его истребить и кровь его пролить вскоре. А Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши выше голов наших терпит, и сейчас, и всю жизнь нашу. Как отец, чадо свое любя, бьет его и потом привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам, что есть победа над врагами – тремя делами добрыми превзойти его и победить его: покаянием, слезами и милостынею. Да то вам, дети мои, нетяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и Царствия не лишиться. А для Бога делая, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки они, не затворничество, не монашество, не голодание, которые иные добрые терпят, но малым делом получите милость Божию.

Что есть человек, как подумаешь о нем? Велик ты, Господи, и чудны дела Твои. Никак разум человека не может постигнуть чудес Твоих. И опять скажем: велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твое вовеки по всей земле.

Ибо кто не восхваляет, не прославляет силы Твои и Твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет! И земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные, и птицы, и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи! И этому чуду удивляемся: как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица. Хоть весь мир собрать, нет единого образа, но каждый имеет свой образ лица, по Божьей мудрости. И этому подивимся: как птицы небесные из рая идут, и прежде всего – в наши руки, и не остаются на одной земле, но сильные и слабые идут по всем землям. Божьим повелением да наполнятся леса и поля! Все же то дал Бог на угождение человеку: на еду, на веселье. Велика, Господи, милость Твоя к нам, ежели то угожденье сотворил. Человека делая грешным, и те же птицы небесные, умудренные тобой, Господи, если повелишь – запают и людей веселят для тебя, и когда не повелишь им, язык же имеющие, онемеют. И благославен есть, Господи, и прославлен сильно! Всякие чудеса и эти блага, сотворив и сделав, да как не хвалить тебя, Господи! Да если, кто не хвалит тебя и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!

Мономах цитировал Василия Великого – своего небесного покровителя, делал выписки из священных книг. Дальше он дает собственные наставления.

Личные наставления

Эти слова прочитавши, дети мои божественные, похвалите Бога, давшего нам милость свою. А это – от худого моего неразумия наказ. Послушайте меня, если не все примите, то – половину.

Если вам Бог смягчит сердце, и слезы свои прольете о грехах своих, говоря: «Как блудницу, и разбойника, и мытаря помиловал, так и нас, грешных, помилуй», то в церкви делайте и, ложась спать, не согрешайте: каждую ночь, если можете, поклонитесь до земли, а если вам занеможется – то трижды. И того не забывайте, не ленитесь. Тем ночным поклоном и пением человек побеждает дьявола, и что за день согрешил, этим – человек избавляется.

Если, на коне едучи, вы не заняты битвой, если других молитв не знаете, то молвите: «Господи, помилуй!» Взывайте беспрестанно, втайне, молча. Это и есть молитва. Это лучше, чем думать, езда, о какой-либо нелепице.

Всего же лучше: убогих не забывайте, и насколько возможно кормите, и подавайте сироте, и вдову оправдывайте сами, а не давайте сильным погубить. Человека, ни правого, ни виновного, не убивайте и не велите убить его. Если будет повинени смерти, то души не погубите никакой христианской.

Речь молвя, и плохо, и хорошо, не клянитесь Богом, не креститесь. Нет в том нужды никакой. Если же вы будете крест целовать к братии или к кому и, если проверив сердце свое, на нем можете устоять, тогда – целуйте, а поцеловав – исполняйте, чтобы обманом не погубить души своей.

От епископов, и попов, и игуменов с любовью берите благословение и не сторонитесь их, и по силе любите и опекайте. Да примите от них молитву к Богу.

Больше всего гордыни не имейте в сердце и уме, но говорите: смертны есть, днем – живы, а на следующее утро – в гробу, мы все честные есть: что дал – не наше, но Твое, нам поручил на некоторые дни, и в земле не прячьте. То для вас есть великий грех.

Старых чтите, как отца, а молодых – как братию. В доме своем не ленитесь, но за всем сами следите, а не смотрите на управителя или слугу. Да не посмеются приходящие к вам и дом ваш не обидят.

На войну вышедши, не ленитесь, не смотрите на воевод. Ни питью, ни еде не придавайтесь, ни лежанию спать. И сторожей сами выставляйте, и ночью вокруг выставленных сами ходите, и роно всавайте, и оружия с себя не снимайте. Потому что, быстро, не оглядевшись по лености, внезапно человек погибает.

Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда. От этого душа погибает и тело. Куда бы ни держали путь по своим землям, не давайте пакостить слугам ни своим, ни чужим, ни в селах, ни в полях. Да не начнут проклянуть вас.

Куда пойдете, где встанете – напоите, накормите любого. А более же – чтите гостя, откуда бы к вам не пришел, простого ли, богатого ли, посла ли. Если не можете подарком, то – пищей и питьем. Ведь они, путешествуя, прославят человека во всех землях или добрым или злым.

Больного посетите, умершего проводите, ибо все мы смертны, и мимо человека не проходите, не поприветствовав, доброе слово ему скажите.

Жену свою любите, но не давайте им над собой власти.

В конце всего: страх Божий имейте выше всего.

Если забываете это, то чаще перечитывайте. И мне будет непозорно, и вам будет добро. Что умеете хорошего, не забывайте, а не умеете – учитесь. Как отец мой, дома сидя, изучил 5 языков. В том есть честь от других земель. Лениость есть мать всему: если умеет, то забудет, а если же не умеет, так тому и не научится. Доброе же творя, нельзя лениться, доброе – прежде всего в церкви.

Да не застанет вас солнце в постели. Так отец мой делал блаженный и все добрые мужи: совершавши заутреню, отдавая Богу хвалу, а потом – солнцу всходящему, и увидев солнце, прославьте Бога с радостью и скажите: «Просвети очи мои, Христе Боже, что дал мне свет твой красный!», и еще: «Господи, приложи мне лето к лету, чтобы на пользу в грехах своих покаяться, оправдав жизнь!», так похвалю Бога, и севши думать с дружиной, или людьми управлять, или на охоту ехать, или передвигаясь, или ложась спать. Сон в полдень назначен Богом, по этому порядку почивает и зверь, и птицы, и люди.

Рассказ о своей жизни до 1097 года

А теперь поведаю вам, дети мои, труд свой, которым трудился, разъезжая и охотясь, с 13 лет.

(1066-1076)

В первое лето к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам ушел в Курск, и еще второе лето – к Смоленску со Ставком Скордятичем; тот еще и отошел к Берестию с Изяславом, а меня послал к Смоленску. Потом из Смоленска пошел к Владимиру (Волынскому) той же зимой, там послали к

Берестию братья на пожарище, где были поджеги, чтобы сохранял в городе спокойствие. Потом пошел в Переяславль к отцу, а на Великий день – из Переяславля опять к Владимиру: на Сутейске мир заключать с поляками; оттуда – потом на лето к Владимиру опять.

(1076 – в правление Святослава)

Потом послал меня Святослав в Польшу: ходил за Глагов до Чешского леса, ходил в землях их 4 месяца.

И в то же лето дитя родилось старейшее Новгородское (*Мстислав*).

потом оттуда – к Турову,

а весной потом – к Переяславлю, а также – к Турову;

а Святослав умер (*1 декабря 1076 год*) и я опять – к Смоленску,

а из Смоленска – той же зимой (*до 1 марта*);

(1077)

потом к Новгороду весной – Глебу в помощь,

а на лето с отцом – под Полоцк,

а на другую зиму со Святополком – под Полоцк. После того, как сожгли Полоцк,

он ушел в Новгород, а я – с половцами, на Одрск, воюя,

потом – к Чернигову.

(1078)

И еще из Смоленска к отцу пришел в Чернигов, и Олег пришел, из Владимира выведенный, и позвал их к себе на обед с отцом в Чернигове на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И еще из Смоленска же пришедши, прошел сквозь половецкие войска, воюя до Переяславля, и отца застал, вернувшегося из похода.

Там еще ходили тем же летом с отцом и Изяславом биться к Чернигову с Борисом, и победили Бориса и Олега (*на Нежатиной Ниве*).

и еще ходили к Переяславлю и стояли в Оброве.

А Всеслав Смоленск сжег, и я с черниговцами за ним скакал, сменяя двух коней, и не застал в Смоленске. Тем же путем за Всеславом пожег землю и повоевал до Лукомля и Логожска,

потом – на Друцк, воюя,

потом – к Чернигову.

(1079-1093)

А на ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я вышел с черниговцами и с половцами; на Десне схватили князей Асадука и Саука и дружины их перебили, а на следующее утро за Новым Городом разогнали сильных воинов Белкатгина и там мечи и полон весь отобрали.

А в вятичи ходили две зимы подряд: на Ходоту и на сына его,
и к Кордню ходил в первую зиму,
и еще – на Изяславичей за Микулин, и не догнали их,
и на ту весну – к Ярополку объединяться на Броды.
Тем же летом гнали за половцами за Хорол, где Горошин взяли,
и на ту же осень ходили с черниговцами и с половцами Читеевичами к Минску,
изъездили город и не оставили в нем ни жителя, ни скота.
Той же зимой ходили к Ярополку объединяться на Броды и любовь великую
сотворили.

А весной посадил меня отец в Переяславле, вперед братьев.

И ходили за Супой. И по пути к Прилуку-городу встретили нас внезапно
половецкие князья, восемь тысяч, и хотели с нами было биться, но оружие
отослали вперед на повозках, и вошли в город. Только Семца взяли одного живого
да смердов несколько, а наши тех больше избили и пленили и, не смея ни коня
взять в руки, бежали на Сулу той же ночью.

И на следующее утро, на Успения Богородицы (15 августа), пошли к Белой Веже,
и Бог нам помог и Святая Богородица, избили 900 половцев и двух князей взяли,
Багубарсовых братьев: Осина и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнали за половцами,

и потом – на Торческий город,

и потом на Юрьев – за половцами, и еще на той же стороне, у Красного, половцев
победили,

и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли,

и потом – ходив ко Владимиру, еще Ярополка (Изяславича) посадил, а Ярополк
умер (22 ноября 1086), и еще – до отцовской смерти (боролся с половцами).

*Всеволод умер 13 апреля 1093 года. Про поражения 1093 года и смерть Ростислава
Мономах не рассказывает.*

(1094-1097)

И при Святополке на Суле бились с половцами, до вечера были у Халепа и потом
мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой
чади взяли всю дружину свою.

И потом Олег на меня пришел с половецкой землей к Чернигову, и билась дружина
моя с ним 8 дней на малом валу, не отдавая им острог. Пожалел христианских душ,
и сел горящих, и монастырей, и сказал: «Не хвалиться поганым!», и отдал брату
отца его место, а сам пошел на отца своего место в Переяславль. И вышли на день
Святого Бориса из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие не в сотней
дружине, а с детьми и женами, и облизывались на нас, как волки, стоящие на
переезде и у гор. Бог и Святой Борис не дали им меня на поживу. Невредимыми
доехали до Переяславля.

И сидел в Переяславле 3 лета и 3 зимы с дружиной своей, и многие беды приняли от рати и от голода.

И пошли на воинов их за Римов, и Бог нам помог, одних побили, а других пленили, и еще – Итлереву чадь избиили и вежи их взяли, идя за Голтаву; и к Стародубу пошли на Олега, потому что – объединился с половцами (3 мая 1095);

и на день Вознесения Господня пошли со Святополком на Боняка за Рось, и к Смоленску пошли, с Давидом помирившись, еще пошли второй раз – с Вороницы, тогда же и торки пришли ко мне из половцев и Читиевичи; пошли против них на Сулу.

И потом еще пошли к Ростову на зиму, а три зиму ходили к Смоленску, и **вот нынче иду к Ростову** (*Мономах едет договариваться с Олегом Святославичем осенью-зимой 1096 года*),

и еще – со Святополком гоняли за Боняком, но едва ли убил, не догнали их, и еще – за Боняком гоняли за Росью и не догнали его.

И на зиму в Смоленск пошел, из Смоленска на Великий день выехал.

А Юрьева мать умерла (*мать Юрия Долгорукова*).

В Переяславль пришедши на лето, собрал братию, и Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину. Пошли за ним из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей схватили лучших, и на Рождество сотворили мир с Аепой, и взял у него дочь (*в жены*).

Пошли к Смоленску, и потом пошел к Ростову; придя из Ростова, еще пошел на половцев, на Уруббу, со Святополком, и Бог нам помог;

и потом еще – на Боняка к Лубну, и Бог нам помог,

и потом пошли к Воиню со Святополком,

и потом еще на Дон пошли со Святополком и с Давидом, и Бог нам помог;

и к Вырю было пришли – Аепа и Боняк хотели взять его, к Ромну идя с Олегом и с детьми на нас, – но они, услышав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который у нас людей взял, и Бог нам помог, и сотворили, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца (Ярослава Святополковича), не терпя злобы его.

А из Чернигова до Киева быстро ездил к отцу, за один день проезжал до вечерни; а всех путей – 80 и 3 больших, а прочих меньший не вспомню. И мирных договоров сотворил с половецкими князьями без одного 20 и при отце и после отца, и дая скота много и много одежды своей. И выпустил половецких князей лучших из оков: только Шарукана двух братьев, Богубарсовых – трех, Овчины – четырех, а всех лучших князей других – сотня. А самих князей, что Бог живыми в руки давал:

Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, Таревский князь Азгулуй, других воинов 15, так тех живыми ведь зарубил, побрасав в ту речку в Славлии, и один за другим избито чуть ли не 200 в то время лучших.

И так трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове. А из Чернигова выйдя, и на другой год, по сотне угонял и ударял всею силою, не считая другой охоты, не считая Турова, где с отцом ловил сам всякого зверя. А так в Чернигове делал сам: коней диких своими руками связывал в упряжи по 10-20 живых коней, не считая того, что по равнине ездя, правил своими руками тех же коней диких. Тура меня два метали на рогах, и с конем. Олень меня один бодал. А два лося: один меня ногами топтал, а другой рогами бодал. Вепрь у меня с бедра меч сорвал. Медведь мне у колена подкладку укусил. Лютый зверь прыгнул ко мне на бедра и коня со мной свалил, и Бог меня невредимым сохранил. И с коня много падал, голову себе разбивал дважды, и руки и ноги свои повреждал, в юности своей – повреждал, не бережа жизни своей, не щедя головы своей.

Что было принято творить, то и творил. На войне и на охотах, ночью и днем, в зной и мороз, не давая себе покоя, на посадников не смотря, ни на биричей, сам делал, что было нужно. Весь нужный порядок и в доме своем тоже делал сам. И в охотах охотничий порядок сам держал, в конюшнях, и в сокольных, и в ястребнях тоже. И нищего смерда и убогую вдовицу не давал сильным обидеть. И за церковным порядком и службой сам следил.

Да не презирайте меня, дети мои, или иной кто прочтет, не хвалюсь ведь дерзостью своею, но хвалю Бога, прославляю милость его, который меня, грешного и худого, столько лет сохранял от тех смертных часов, и не ленивым меня сотворил, худого, на всякие дела человеческие способного.

Да эту грамотку прочитавши, подвигнетесь на всякие дела добрые, славя Бога со святыми его. Смерти, дети, не боясь ни от рати, ни от зверя, но мужское дело делайте, какое вам Бог пошлет. Если я от рати, и от зверя, и от воды, и от коня спасся, то никто же из вас не может поранить себя и убить, пока не будет от Бога повелено. А если от Бога будет смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут сохранить. Хоть отчее хорошо сохранение, но Божье сохранение лучше человеческого!

Письмо к Олегу Святославичу

О, я многострадальный и печальный! Много борешься с сердцем и, одолевши душой сердце свое, потому что тленные мы, помышляю, как стать перед Страшным Судьей, раскаянья и смирения не приняв внутри себя. Кто молвит:

«Бога люблю, а брата своего не люблю» – ложь есть. И потом: «Если не отпустите прегрешения брату, и вам не отпустит Отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не ревнуй лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие», - вот что важно и прекрасно, братия, в целом... Но все дьявола научение, иначе были бы рати при умных детях наших, при добрых и при блаженных отцах наших! Дьявол не хочет добра роду человеческому, ссорит нас.

Да это тебе написал, потому что принудил меня сын твой, которого ты крестил, который сидит близ тебя. Прислал ко мне мужа своего и грамоту, говоря: «Сладимся и смиримся! А братцу моему Суд пришел, а мы ему не будем мстителями, но возложим то на Бога. Встанут все перед Богом! А Русской земли не погубим». И я, увидев смирение сына своего, сжалился и Бога устрасился. Сказал он в юности своей и в безумии, что смиряется, на Бога полагается, и я, человек грешный более всех людей, послушал сына своего и написал тебе грамоту. Примешь ли ее с добром или с поруганием, то сам же увижу из твоего писания.

Этими словами предваряю тебя, прежде чем ожидаю от тебя смирения и покаяния, хотя от Бога старых своих грехов отпущения.

Господь наш не человек есть, но Бог всей вселенной, который хочет в мгновение ока всякое сотворить, хочет – сам притерпел хуления, и оплевывание, и удары, и на смерть отдался, жизнью владея и смертью. А мы что есть? – люди грешные сами по себе, днем живы, а утром мертвы, днем – в славе и чести, а на следующее утро – в гробу и забыты, другие наследство наше разделят. Посмотри, брат, на отцов наших, что взяли или зачем им одежда? - только одно они сотворили – души свои.

Но да этими словами, пославши ко мне, тебе первому, брат, было предварить меня. Когда же убили дитя мое и твое перед тобой, было тебе, увидев кровь его и тело увянувшее, как новый цветок отцветшее, как агниц заколотый, было сказать, стоявши над ним, вникнувши в помыслы души своей: «Увы мне! Что сотворил!» и, переждав его безумие, света сего призрачного неправды ради нажив грех себе, отцу и матери – слезы, было сказать словами Давида: «Грех мой знаю, и всегда он передо мной».

Не из-за пролития крови, помазанник Божий Давид, а прелюбодеяние сотворив, посыпал голову свою пеплом и плакал горько, и тотчас простил ему согрешение его Бог. И тебе было Богу покаяться, и ко мне было грамоту утешительную и сноху мою прислать, потому что нет в ней ни зла, ни добра, чтобы вдвоем оплакал мужа ее и ту свадьбу ее вместо пения, не видел ее первой радости, ни венчания ее, за грехи свои. Ради Бога, пусти ее ко мне быстро, с первым словом, да не с нею

кончив слезы, посажу на месте, и сядет, как горлица на ветке дерева, горя, и я утешусь от Бога.

Тем же путем шли дети отцов наших. Суд от Бога ему пришел, а не от тебя. Если бы тогда свою волю сотворил – и Муром захватил, а Ростова бы не занимал – а послал ко мне, отсюда бы и уладились. Но сам посуди, мне ли было достойно посылать к тебе или тебе ко мне? Да если бы велел сыну моему: «Сошлись с отцом!», десяток бы их (грамот) сам послал. Дивно ли, что муж на войне умер? Так лучшие умерли из родов наших. Да не нужно было искать чужого, и меня в позор и печаль вводить. Научили ведь его товарищи, чтобы себе что-нибудь добыть, а ему добыли зло.

Да если начнешь каяться Богу и мне добро сердцем сотворишь, послав послов своих или епископов, грамоту написав с правдою, ту волость возьмешь по-доброму и наши сердца обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде. Нет тебе ни противника, ни мстителя. Не хотел видеть крови твоей у Стародуба, но не дай мне Бог крови видеть от руки твоей или от повеления своим некоторым братьям! Если же лгу, а Бог меня ведает и Крест честной, разве буду! Грех сотворил, когда на тебя пошел к Чернигову из-за поганых. За то каялся, и вслух братии жаловался, и опять поведал, потому как человек есть, если тебе хорошо, то – с тем, если тебе плохо – то с этим.

Сидит сын твой крестный с малым братом своим, хлеб вкушая дедовский, а ты сидишь на своем. О чем тут рядиться? Или хочешь их убить? Так вот они – у тебя! Теперь же: «Не хочу им лиха, но добра хочу братьям и Русской земле», а того же хотел насильем, как вы делали и у Стародуба. Жалея тебя, при отчину – твоя или Бог послал тому – с братом твоим рядились. И теперь можно рядиться без тебя, но не сделали ничего плохого, не сказали, пересылайся с братом до тех пор, пока не уладишься. Если кто из вас не хочет ни добра ни мира христианского, то не будет ему от Бога: мира узреть душе его на том свете.

Не от нужды тебе молвлю, не беда мне, что у Бога услышится, но душа мне моя важнее всего на свете. На Страшном суде без свидетелей обличаюсь и прочее...

Молитва

(Господу)

Премудрости наставник и смысла податель, несмышленным указатель и нищим заступник! Утверди в разуме мое сердце, Владыко! Ты дай мне слово отчее, чтобы устами моими невозбранно воспеть тебе в молитве: «Помилуй подшего, упование мое – Бог, прибежище мое – Христос, покров мой – Святой дух»!

(о душе)

Надежда и покров мой, не презри меня, благая! Тебя ведь имею помощницею в печали, и болезни, и во зле всяком! И тебя славлю, воспевая: «И разумеете и видите, что я есть Бог, испытующий сердца и ведающий мысли, обличающий дела, опаляющий грехи, ссудящий сироте и убогому и нищему». Склонись, душа моя, и дела свои осмысли, которые здесь перед очами своими пронесла и капли испустила слез своих, и поведай наяву деяния и все мысли Христу, и очистись.

(Андрею Крицкому, память которого отмечается 17 октября. Андрей Критский был небесным покровителем отца Мономаха – Всеволода Ярославича).

Андрей, честный отче, преблаженный пастырь Критский! Не переставай молиться за нас, чтущих тебя! Да избежим все гнева и печали и тления греха и бед же.

(Богородице о спасении Киева)

Чтущим память твою верно, город своим сохрани, Дева-матерь чистая, который о тебе верно царствует, да тобою укрепимся и тобою надеемся, побеждаем все брани, сокрушаем противных и творим послушание. О, воспетая Матерь, родившая всех святых пресвятого Слова, прими нынешнее послушание. «От всякой напасти сохрани и грядущих мук!», - к тебе, вопиюще, молятся рабы твои, и преклоняем колени сердца нашего. Преклони ухо твое, Чистая, и спаси нас, в скорбь погружающихся ныне, и соблюди от всякого пленения вражеского твой город. Богородица, пощади Бога наследие твоего, прегрешения наши все прости нам, ныне молящихся Тебе.

Мономах находится в Ростовской земле, в Киеве назревает новая смута, половцы не прекращают набеги: Боняк уже разграбил Печерский монастырь, сжег Всеволодов двор на Выдубицах. Мономах молится Богородице за спасение Киева: город сохрани, соблюди от всякого вражеского пленения, пощади наследие Бога твоего!

(о себе)

На земле родившая Тебя без семени, земную милость, изволив вочеловечиться Христу, пощади меня, Спасителя родившая, сохранившего родившую тебя нетленной по рождеству. И когда сядешь судить дела мои, как безгрешный и милостивый, как Бог и человеколюбец, Дева пречистая, безбрачная, богообрадованная, верным направление, спаси меня погибающего, к Сыну твоему вопиющему: «Помилуй меня, Господи, помилуй!», когда, собираясь судить, не осуди меня на огонь, не обличи меня яростию своей, - молит тебя Дева чистая, родившая тебя, Христос, и множество ангелов и мучеников собор. О, Христос Иисус Господь наш! Ему же подобает честь и слава, Отцу и Сыну и Святому Духу всегда и ныне и присно во век!